

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Молодой англичанин, стр. 4

локти на стол, что представляло весьма приятную картинку. Напрасно твердили им матери и друзья, сколь все это глупо, сколь неприлично, – они же ссылались на блестящий пример племянника. Напрасно доказывали им, что племяннику как англичанину приходится прощать некоторую грубость, свойственную его нации, грюнвизельская молодежь утверждала, что не меньше любого англичанина имеет право быть невоспитанной на гениальный манер, – коротко говоря, жалко было смотреть, как, под влиянием дурного примера, совершенно исчезли в Грюнвизеле добрые нравы и обычаи.

Но недолго радовалась молодежь такой грубой, разгульной жизни.

Следующее событие сразу все изменило. Зимние увеселения должны были закончиться большим концертом, исполненным частично музыкантами городского оркестра, частично искусными грюнвизельскими любителями музыки. Бургомистр превосходно играл на виолончели, а доктор на фаготе, аптекарь, хотя и не обладал настоящим дарованием, играл на флейте, несколько грюнвизельских девиц разучили арии, – словом, программа была составлена прекрасно. Но, по мнению приезжего, концерту такого рода, хотя и превосходному, явно недостает дуэта, потому что в каждом порядочном концерте необходим дуэт.

Эти слова вызвали некоторое замешательство: правда, дочь бургомистра пела, как соловей, но где раздобыть кавалера, который мог спеть с ней дуэт? В конце концов вспомнили о старом органисте, в свое время певшем роскошным басом, но приезжий уверял, будто все эти хлопоты излишни, – его племянник превосходно поет. Все были поражены вновь открывшимся замечательным талантом юноши; ему пришлось спеть кое–что для пробы, и, если не считать некоторых странных повадок, которые сочли за английские, пел он, как ангел. Итак, спешно разучили дуэт, и вот наконец настал вечер, во время которого грюнвизельцам предстояло усладить свой слух концертом.

К сожалению, дядюшка заболел и не мог присутствовать при триумфе своего племянника, но он передал бургомистру, навестившему его за час до концерта, кое–какие распоряжения относительно своего питомца.

– Племянник мой – добрая душа, – сказал он, – но время от времени в голову ему приходят странные мысли, и тогда он ведет себя нелепо; именно поэтому я весьма сожалею, что не могу присутствовать на концерте, меня–то он побаивается, и сам знает почему! К чести его, я должен сказать, что эти проказы не духовного, а скорее физического порядка, они свойственны его природе; не будете ли вы, господин бургомистр, так любезны, если ему ни с того ни с сего взбредет на ум усесться на нотный пюпитр, или во что бы то ни стало провести смычком по контрабасу, или еще что–нибудь в том же роде, не соблаговолите ли вы несколько ослабить его шейный платок, а если и это не поможет, снимите платок вовсе. Вот увидите, каким он сразу станет послушным и чинным!

Бургомистр поблагодарил болящего за доверие и обещал, если понадобится, поступить по его совету.

Зал был переполнен, на концерт явились не только грюнвизельцы, гости съехались со всей округи. Охотники, пасторы, чиновники, помещики и все прочие, живущие на расстоянии трех часов езды, прибыли с чадами и домочадцами, дабы разделить с грюнвизельцами редкое наслаждение. Музыканты из городского оркестра не ударили в грязь лицом; вслед за ними выступил бургомистр, исполнивший партию на виолончели под аккомпанемент аптекаря, который играл на флейте; после них органист с шумным успехом пропел басовую арию; немало также хлопали и доктору, который играл на фаготе.

Первое отделение закончилось, и все с нетерпением ждали второго, в котором молодой приезжий и бургомистрова дочь должны были исполнить дуэт.

Племянник явился в шикарном костюме и уже давно привлекал внимание присутствующих. Не долго думая, развалился он на великолепном кресле, предназначенном для некоей графини, проживающей по соседству, вытянул ноги и, не довольствуясь большими очками, рассматривал всех в невероятных размеров бинокль, да еще возился с огромным меделянским псом, которого захватил с собой, несмотря на запрещение вводить в зал собак. Графиня, для которой было приготовлено кресло, вошла в зал, но племянник и не подумал встать и уступить ей место, – наоборот, уселся еще удобнее, и никто не решился сделать молодому человеку замечание; а знатной даме пришлось сидеть на самом обыкновенном соломенном стуле среди прочих женщин нашего города, чем, как говорят, она осталась весьма недовольна.

Во время отменной игры бургомистра, во время превосходной басовой арии органиста, даже во время фантазии, исполненной доктором на фаготе, когда все слушали, затаив дыхание, племянник приказывал собаке приносить ему носовой платок или громко болтал с соседями, так что те, кто его не знал, поражались странному поведению молодого человека.

Поэтому нет ничего удивительного, что все с любопытством ждали, как он исполнит дуэт. Началось второе отделение; музыканты городского оркестра сыграли небольшой номер, бургомистр в сопровождении дочки подошел к молодому человеку, передал ему ноты и сказал:

– Мосье! Не угодно ли вам выступить в дуэте?

Молодой человек расхохотался, оскалил зубы, вскочил и вместе с ними последовал к пюпитру, а все общество замерло в ожидании. Капельмейстер взмахнул палочкой и кивнул племяннику, чтобы он начинал. А тот глянул сквозь свои большие очки на ноты и испустил отвратительные, жалкие звуки.

Капельмейстер крикнул ему:

– На два тона ниже, уважаемый! До, вам надо взять до!

Но, вместо того чтобы взять до, племянник снял с одной ноги ботинок и запустил им капельмейстеру в голову, да так, что взвилось облако пудры.

Увидя такое, бургомистр подумал: «Ах, вот опять нашли на него его причуды физической природы»; он подскочил, схватил его за шею и немножко ослабил его шейный платок, до теперь молодой человек разошелся пуще прежнего. Он запрыгал и заговорил, но не по–немецки, а на каком–то странном, никому не понятном языке. Бургомистр был в отчаянии от такой досадной помехи; он подумал, что с молодым человеком творится нечто совсем непонятное, и поэтому решил снять с него шейный платок. Но не успел он это сделать, как окаменел от ужаса; вместо человеческой кожи нормального цвета шея молодого человека была покрыта темно–коричневой шерстью, а сам он тут же запрыгал еще выше и чуднее, запустил свои лайковые перчатки в волосы, потянул, и – о, чудо! – его прекрасные волосы оказались париком, который он швырнул бургомистру в физиономию; теперь голова его предстала в новом виде – покрытая такой же коричневой шерстью, что и шея.

Он пустился вскачь по столам и скамьям, опрокинул пюпитры для нот, переломал скрипки и кларнеты и вел себя как безумный.

– Держи, держи его! – вне себя кричал бургомистр. – Он с ума сошел, держи его!

Но сделать это было не так–то просто, – он снял перчатки и показал когти, которыми пребольно царапался. Наконец одному отважному охотнику удалось с ним справиться. Он так сжал ему длинные руки, что теперь тот только дрыгал ногами и хохотал и кричал хриплым голосом. Вокруг толпилась публика и с недоумением глядела на странного юношу, теперь уже совсем непохожего на человека. Но один проживавший по соседству ученый, у которого был настоящий музей предметов натуральной истории и целая коллекция чучел животных, подошел поближе, внимательно посмотрел на него и с удивлением воскликнул:

[Назад](#) << [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) >> [Дальше](#)